

человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того, что не знал кому доверил, или должник, в оковах и темнице. С одной стороны, легковёрность, с другой — почти воровство. Тот поверил, надеясь на строгое законоположение, а сей. . . А если бы взыскание по векселям не было столь строгое, не было бы места легковёрно, не было бы может быть плутовства в вексельных делах. . .» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 111). Разоблачение вексельного «права» обладает такой убедительной силой, что путешественник с тоской должен констатировать: «Я начал опять думать, прежняя система пошла к чорту, и я лег спать с пустой головой» (там же).

В «Бронницы» путешественник приезжает полный смятения; он молится, взывая к богу, прося о помощи; он теряет прежнюю систему, и это страшно. Что будет впереди? Заставить себя отвернуться от фактов и слепо верить прежнему он не может. «Рассудок претит иметь веру и самой повести, столь жаждущ он в убедительных и чувственных доводах» (Бронницы). И еще с большим вниманием он присматривается к этим доводам. В «Зайцеве» Крестьянкин рассказывает ему историю своего единоборства со всей существующей системой крепостнического государства по поводу процесса, в котором очевидная справедливость была на стороне обвиняемых крестьян. Угрозы, подкуп — все было пушено против Крестьянкина, лишь бы не допустить справедливого приговора, не допустить торжества правды. Дворянское общество, среди которого жил Крестьянкин, его судебное начальство требовало не справедливого, а классового суда в интересах дворян, и, когда он, Крестьянкин, запротестовал, отстаивая права крепостных, рассматриваемых им как граждан без различия их состояния, его объявили опасным человеком, вынудили подать в отставку.

Перед героем развернулась страшная картина узаконенной несправедливости и произвола у всех на глазах, в интересах господствующего класса; чувственные доводы делали свое дело. Глава заканчивается описанием состояния героя: он сидит на камне посреди пыльной дороги, чертит «на песке фигуры кой какие» и думает тяжелую, горькую думу.

Задуматься есть от чего: перед путешественником уже не только разрозненные факты, которых нельзя опровергнуть, но живой человек, возмущенный всей системой этих фактов, убежденный, что мир полон пороков, несправедливостей, и в то же время верующий, что нет смысла в одиночной борьбе, что остался единственный путь — смириться и уйти прочь. В «Крестцах» путешественник встречает второго, такого же, как Крестьянкин, человека, знающего, что мир порочен и полон несправедливостей и произвола. Зная это, он воспитал в детях независимость и мужество. На глазах путешественника в своем напутственном слове уезжающим сыновьям он призывает их не быть похожими на тех, среди которых им предстоит жить, а быть готовыми к тяжелой доле «исполнения должности человека и гражданина».